

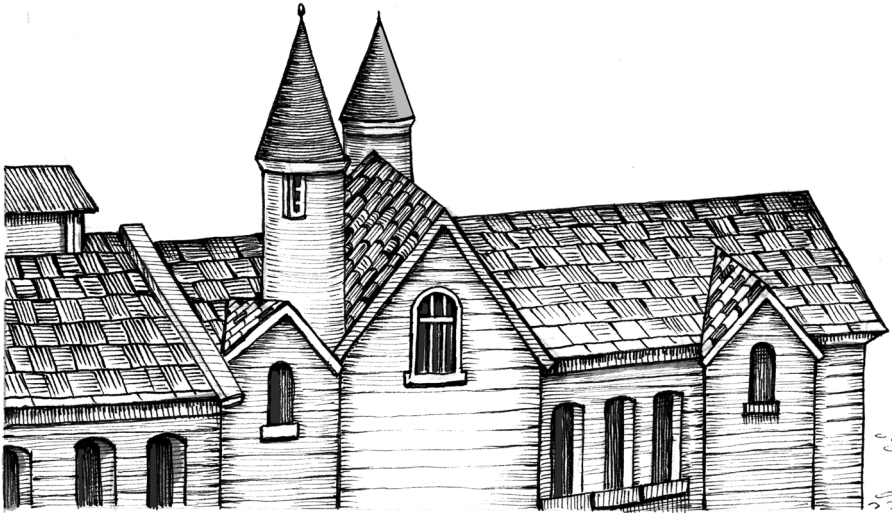
I

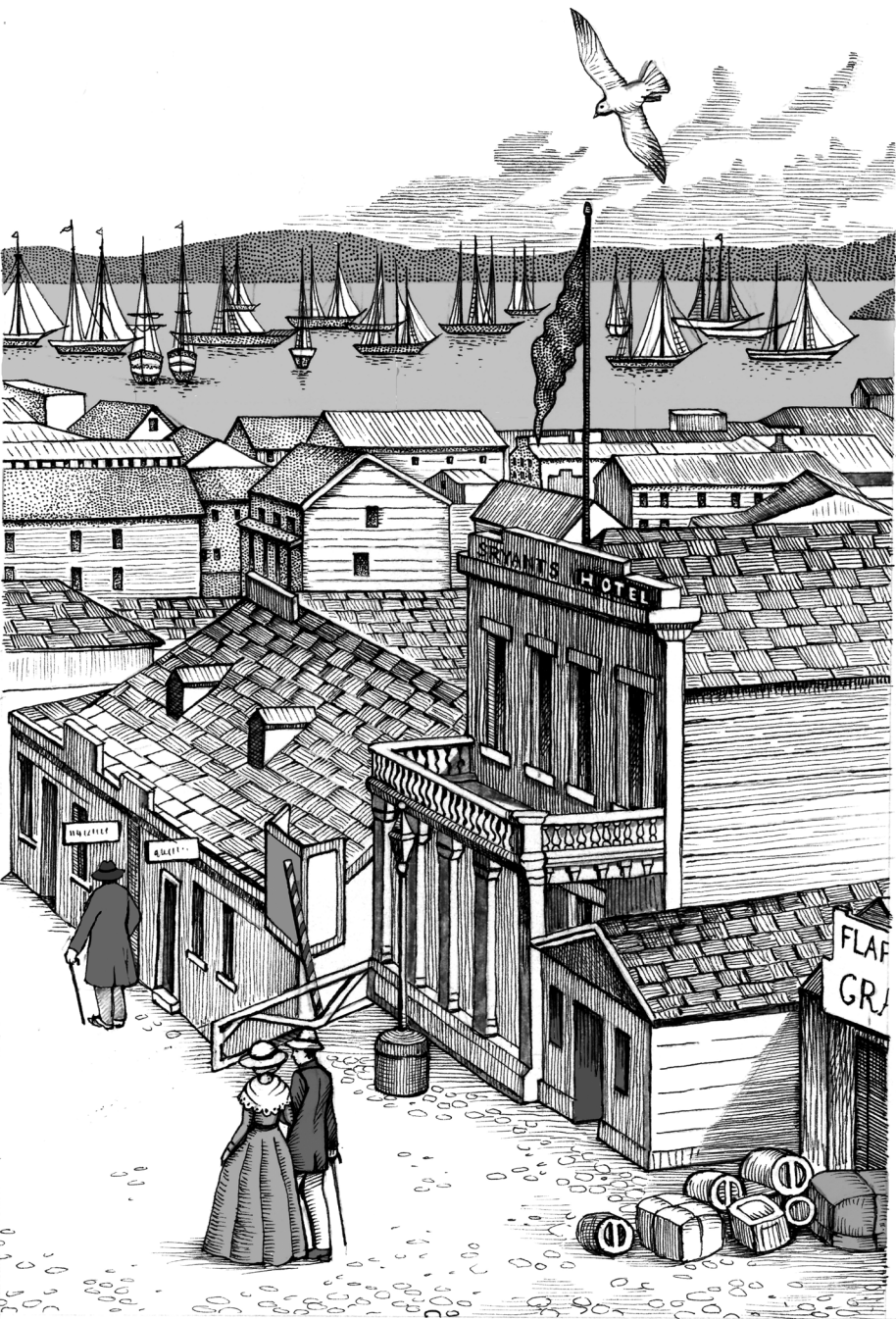
Дня за два до ухода нашего из Сан-Франциско мичман Цветков, только что вернувшийся с берега, стремительно ворвался в кают-компанию и воскликнул своим бархатным тенорком:

— Какую я вам привез, господа, новость! Одно удивленье!

И чернокудрый пригожий молодой мичман, веселый, легкомысленный и жизнерадостный, ухитрявшийся влюбляться чуть ли не в каждом порте, где клипер наш стоял более трех суток, — окинул живым, смеющимся взглядом своих красивых черных глаз несколько человек офицеров, благодушествовавших после обеда за чаем.

— Ну, какая там у вас новость? — недоверчиво и лениво кинул с дивана старший офицер Степан Дмитриевич и, потянувшись, зевнул, собираясь, по обыкновению, соснуть часок после обеда.

— Уж не садится ли к нам адмирал? — испуганно спросил кто-то.

— Нет, нет... новость самая приятная! — смеялся мичман, открывая ряд ослепительно белых зубов. — Только моя новость не для вас, Евграф Иванович, и не для вас, Антон Васильевич, — обратился он, лукаво улыбаясь, к пожилому артиллеристу и к доктору.

— Это почему?

— Вы — в законе. И не для вас, батя... Вы — монах! И не для тебя, «милорд». Ты — влюбленный жених. Тебя ждет не дождется в Кронштадте твоя невеста.

— Да не балагань, говори, в чем дело! И без того довольно похож на Бобчинского! — проговорил медленно, сквозь зубы, товарищ и приятель Цветкова, мичман Бобров, прозванный «милордом».

Рыжий, с выбритыми нарочно губами и маленькими, не доходившими до конца щек бачками, сухощавый и прилизанный, сдержанный и серьезный, он действительно смахивал на англичанина и корчил англomана, стараясь усилить это внешнее сходство и соответствующими, по его мнению, английскими привычками: напускал на себя невозмутимость, выпучивал бессмысленно глаза, цедил слова, носил фланелевые рубашки, пил портер и ничему не удивлялся.

— То-то: говори! А небось, не угостишь бедного мичмана русской папироской... Эти «манилки»... Черт бы их побрал!.. Ну, не раздумывай же, благородный лорд... Давай!

«Благородный лорд», запасливый, бережливый и вообще очень аккуратный молодой человек, не только не делавший долгов, но кое-что сохранявший от своего небольшого жалованья, — несмотря на второй год плавания, курил еще папиросы, взятые

из России. Он крайне неохотно угощал ими и не без некоторого внутреннего колебания достал папиросницу, но предусмотрительно не подал ее Цветкову, а, вынув одну папироску, протянул ее веселому мичману, давно прокурившему и проугощавшему свой запас.

Тот, после первой жадной затяжки, значительно и торжественно проговорил, прищуривая смеющиеся глаза:

— У нас на клипере будет пассажирка! Пойдет с нами до Гонконга... Не ожидали, господа, такой новости, а?..

И жизнерадостный мичман оглядел всех победоносным взглядом.

Новость эта, видимо, произвела впечатление на моряков.

— Пассажирка?! — раздались восклицания.

— И даже две: молодая барынька и ее горничная, тоже молодая...

— Не плод ли это твоей фантазии, сэр? — усмехнулся «милорд».

— Фантазии?! Прикуси свой язык, «милорд», и кстати уж проглоти аршин, чтоб окончательно походить на англичанина.

— А собой как барыня? — спросил кто-то из молодежи.

— Чудо что такое!.. Ослепительная блондинка с золотистыми волосами. Бела, как снег... Улыбка чарующая... Взгляд ангела... Умница... Одета с изящной простотой... Стройна и сложена божественно... Бюст роскошный... Ручки — восторг: маленькие, с ямочками... Ножки...

— А горничная какова? — неожиданно перебил мичмана, восторженно перечислявшего все прелести пассажирки, долговязый вихрастый юнец-гардемарин с крупными сочными губами.

— На кой вам черт знать о горничной?! — негодуяше воскликнул мичман. — Я рассказываю о ней, об этой дивной женщине, а вы — горничная! Это — профанация! У вас, видно, горничная только на уме... Тьфу!.. А впрочем, и горничная ничего себе! — вдруг, смеясь, прибавил мичман. — Ухаживайте за ней на здоровье!

— А ты уж видно того... втюрился в пассажирку? — насмешливо промолвил «милорд».

— И ты втюришься, как ее увидишь, даром что жених.

«Милорд» презрительно усмехнулся и процедил:

— Я не такой влюбчивый воробей, как ты...

— Какая такая пассажирка, Владимир Алексеич? Откуда она вдруг объявилась и где это вы все узнали? — спросил, в свою очередь, и старший офицер, Степан Дмитриевич, умышленно равнодушным тоном, слушавший, однако, с живейшим любопытством описание прелестной пассажирки и втайне переживавший радостное волнение завязанного женолюба.

И Степан Дмитриевич, далеко неказистый из себя мужчина лет около сорока, белобрысый, коренастый, начинавший сильно лысеть, с красным от загара, угреватым, непривлекательным лицом, среди которого, словно руль, торчал длинный, неуклюжий нос с шишкой на кончике, невольно оживился, забыв сон, пригладил с достоинством потную лысину и с самым донжуанским видом стал крутить концы своих темно-рыжих усов. В то же время его маленькие, с воспаленными веками, глазки еще более сузились и подернулись, как выражались мичманы, «прованским маслом», и сам он молодецовато выпятил грудь колесом, представляя некоторое подобие бочонка.

Дело в том, что Степан Дмитриевич, отличный служака, добрый и вообще скромный человек, имел одну

непростительную слабость — считать себя весьма и весьма соблазнительным мужчиной и думать, что нравится дамам.

— Я сейчас видел пассажирку у консула, она приезжала к нему с горничной выправить бумаги... Меня представили ей, и мы с ней говорили... И капитан в это время был у консула. Ну, и скажу я вам, господа, наш-то капитан...

— А что?..

— Потеха! Даром, что и с брюшком, и почтенный отец семейства, а так и рассыпался, так и лебезил... Совсем не такой свирепый, каким бывает во время авралов... Губы распустил, «ля-ля-ля», ходит вокруг, словно кот около сливок... Консульша даже смеялась... И когда консул просил взять этих дам пассажирками до Гонконга, капитан с удовольствием согласился и предложил к услугам очаровательной блондинки свою каюту... А она, как царица, чуть-чуть кивнула головой.

— Они американки, что ли? — снова любопытствовал старший офицер, довольно плохо объяснявшийся на английском диалекте.

— Какие американки! Чистейшие русские, москвички. С какой стати капитан взял бы американок пассажирками!

Это известие привело всех еще в больший восторг.

— Как же они сюда попали, в Калифорнию?

— Очень просто. Прелестная блондинка была замужем за американцем, инженером Кларком. Этот Кларк был зачем-то в России, встретился с русской красавицей и влюбился, понятно, в нее. Она, только что кончившая курс институтка, дочь какого-то генерала, тоже влюбилась в американца. Ну, повенчались и уехали в Америку; с ними уехала и русская горничная, бывшая крепостная. Прожили они, по словам консула, пять лет вполне счастливо, — американец обожал жену. Три года тому назад они приехали в Калифорнию, и здесь американец потерял все огромное свое состояние на спекуляциях с золотыми приисками. В отчаянии он в один прекрасный день пустил себе пулю в лоб... Ну не болван ли?

— Положим, болван, но что же дальше? — спросил кто-то.

— Эти три года несчастная вдова жила в Сакраменто у родных мужа и затем в Сан-Франциско, давала здесь уроки музыки. Кое-какие деньги, оставшиеся у нее после богатства мужа, пропали у разорившегося банкира. Ее потянуло на родину, и вот теперь она возвращается в Россию, отказав трем богатым жителям...

— Это она все тебе сообщила? — иронически заметил «милорд».

— Нет, проницательный «милорд», не она, а консульша... Она с ней давно знакома.

— Что ж она — неутешная вдова, что ли?

— Этого я не знаю... Знаю только, что она прелестна и, по словам консульши, безупречной репутации. Ее так и зовут здесь «мраморной вдовой».

— А сколько ей лет?

— В консульстве говорили: тридцать, но это вранье, по-моему. Ей много-много двадцать пять... Она выглядит совсем девушкой, так она свежа и хороша, эта миссис Вера, как ее здесь зовут. Ну, вот вам и вся история... Эй, вестовые, чаю! — крикнул мичман.

— Она не разучилась говорить по-русски? — спросил старший офицер.

— Отлично говорит. Изредка только у нее заедает. А голос-то какой, Степан Дмитрич!

— Хороший?

— Бархат! Так и ласкает, так и проникает в душу!

— Посмотрим, посмотрим вашу красавицу! — весело и самоуверенно, с видом опытного знатока, промолвил Степан Дмитрич, задорно как-то крякнул и пошел к себе в каюту отдыхать.

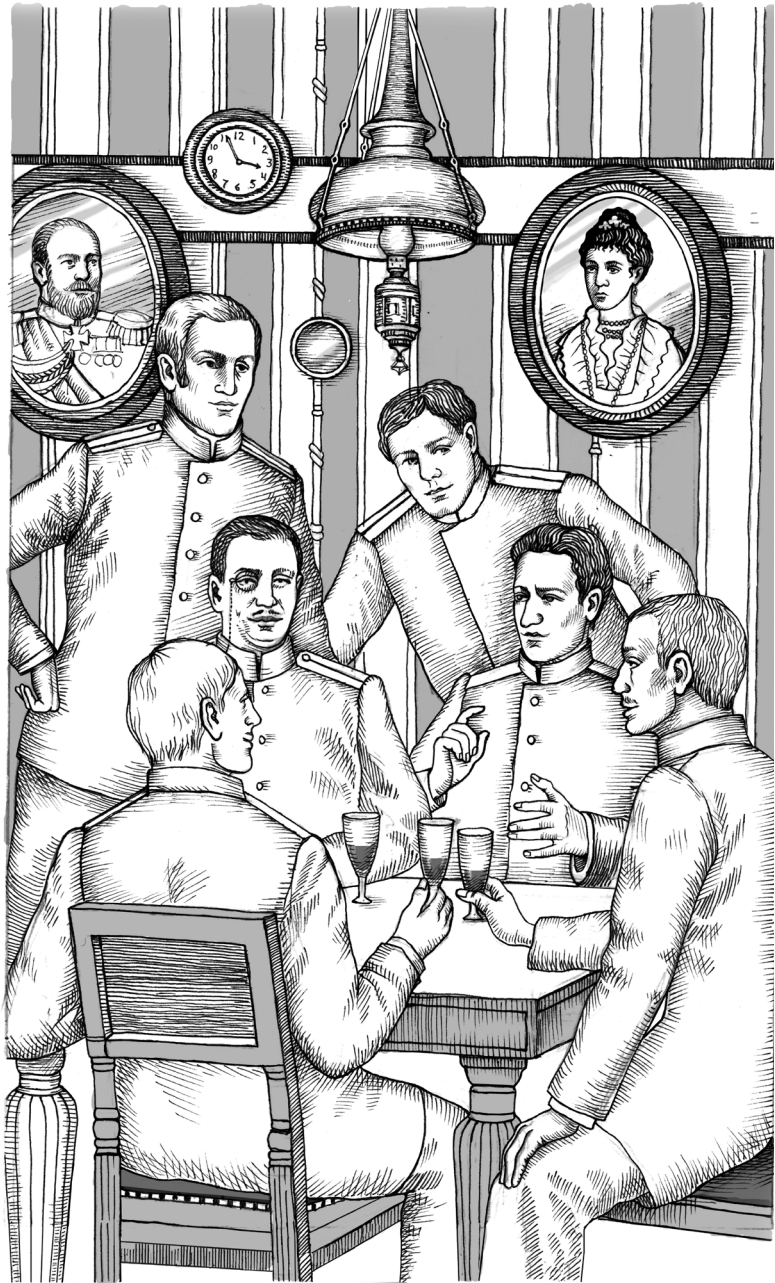
«Черта с два ты согласишься! Роба вроде медной кастрюльки, а тоже воображает!» — мысленно напутствовал его мичман. И бросил в спину старшего офицера неприязненный, насмешливый взгляд.

Распросы насчет пассажирок продолжались еще несколько времени. Одни интересовались барыней, а другие (и в том числе и пожилой артиллерист, и вихрастый гардемарин) горничной, и все выражали удовольствие, что на клипере будет пассажирка, которая своим присутствием скрасит однообразие и скуку длинного перехода.

Один только «дедушка», как звали все любимого старого штурмана Ивана Ивановича, слушая все эти разговоры, не выразил ни малейшего сочувствия и как-то загадочно усмехнулся, неодобрительно покачивая своей седой, коротко остриженной головой.

Мичман между тем не уставал петь восторженные дифирамбы красоте молодой вдовы. Отвечая на назойливые вопросы, он хвалил и горничную, но равнодушно и сдержанно. В конце концов чуть не вышла крупная история. Лейтенант Бакланов, довольно видный блондин, кронштадтский сердцеед, сделал насчет будущей пассажирки очень нескромное замечание. Мичман вспыхнул, губы его затряслись, и он назвал Бакланова нахалом, не понимающим, как надо говорить о порядочной женщине. Дело дошло бы до крупной ссоры, если б не вмешался «дедушка» и, со свойственным ему умением миротворца, не уговорил двух распетушившихся молодых людей извиниться друг перед другом.

— Перессорятся у нас все из-за этой пассажирки! — пророчески, тоном выдавшего виды философа говорил несколько минут спустя «дедушка» Иван Иванович, преклонные годы которого оставляли его, по-видимому, совершенно равнодушным к прелестям женской красоты. — Еще ее нет, а уже ссора! А что же будет, когда все закружат около пассажирки, словно тетерева на току? На «берегу», где много бабья, и то из-за них одни неприятности, а в море, когда одна хорошенькая дамочка среди этих, с позволения

сказать, петухов... благодарю покорно! Тут и служба не пойдет на ум... Нет-с, не резон брать пассажирок, да еще на длинный переход. Не одобряю-с! Недаром же, по регламенту Петра Великого, женщин нельзя брать в плаванье. Царь-то великого ума был... Понимал хорошо, в чем загвоздка.

Толстенький, кругленький, чистенький и свежий, как огурчик, судовой врач Антон Васильевич, перед которым философствовал старый штурман, весело закатился мелким визгливым смехом, умильно жмуря глаза, и неопределенно протянул, стараясь принять степенный вид:

— Дда... женщина, особенно хорошенькая...

— То-то оно и есть! Каждому лестно...

— Именно лестно... Хе-хе-хе!

— И посойдут они все с ума, ошалеют, как коты по весне, вспомните мое слово, Антон Васильич... Этот Цветков уже втюрился... «И такая, и сякая, писаная, немазаная»... Чего только не наказыал!.. Известно, с влюбленных голодных глаз, да в двадцать три-то года, всякая смазливая дамочка — красавица... И Степан Дмитрич... даром, что лыс, а уж хвост распустил и усы стал закручивать, и капитан тоже... Вот и будет, можно сказать, у нас кавардак из-за этой самой пассажирки! — ворчливо прибавил Иван Иванович.

Иван Иванович, вообще словоохотливый вне службы, по-видимому не прочь был еще пофилософствовать на эту тему. Но, взглянув на доктора и увидав в его лице и глазах игриво-веселое выражение, далеко не обнаруживавшее сочувствия к его словам, он укоризненно покачал головой, молча докурил «манилку» и вышел из кают-компания.

«Да и ты, брат, такой же саврас, как и другие!» — говорило, казалось, добродушное старое лицо штурмана.

II

Вечером с берега приехал капитан и тотчас же потребовал к себе в каюту старшего офицера.

Капитан был толстяк лет пятидесяти, почти седой, с крупными чертами загорелого полного лица, с крепко посаженной круглой головой на короткой шее и большими темными глазами, метавшими молнии во время гнева и добродушными в минуты спокойствия. Короткие седые усы прикрывали толстые губы, с которых нередко слетали энергические ругательства во время авралов и учений.

Напустив на себя недовольный вид и хмуря засевшие брови, капитан проговорил резким, отрывистым голосом:

— Завтра придут две пассажирки: вдова инженера Вера Сергеевна Кларк и ее горничная... Неприятно, конечно, возиться на судне с бабьем, но что делать? Нельзя было отказать. Консул очень просил и вообще... вообще дама, заслуживающая уважения и покровительства. Я отдаю ей свою каюту. Сам помещусь в рубке... Приходится из-за этой пассажирки стесняться, — все с тем же недовольным видом говорил капитан. — А вас, Степан Дмитриевич, попрошу распорядиться, чтобы хоть на это время и господа офицеры, и боцмана, и матросы воздержались... не ругались бы во всю ивановскую... Нельзя же... Понимаете, дама-с, генеральская дочь... Неприлично-с!

— Слушаю-с! Я скажу офицерам и отдам приказание боцманам, Петр Никитич!

— Особенно этот боцман Матвеев... Не может, каналья, рта открыть без ругани. Так уж вы велите ему заткнуть свою глотку, а то срам-с. Дама, и не какая-нибудь там, знаете ли, старая карга, а молодая